

Чтобы Шутуну было проще есть, Мао Сяофэй заранее нарезал оленину мелкими кусочками. Мясо, сдобренное лишь щепоткой соли, едва ли могло порадовать гурмана, но для двоих изнуренных голодом беглецов оно стало истинным блаженством. Позабыв о приличиях, они хватали куски прямо руками и жадно запихивали в рот.

Почувствовав сытость, Мао Сяофэй вытер руки. Какое-то время он пристально разглядывал Шутуна, а затем отвел взгляд в сторону.

Небо на востоке подернулось тусклой предвечерней синевой. В этой пещере им предстояло провести вторую ночь. Еще днем они перетаскивали вещи с лодки на берег, но внутрь заносить не стали: если сюда кто-нибудь нагрянет, припасы под боком лишь выдадут их с головой. Сделав несколько ходок, беглецы тщательно забросали тюки ветками и палой листвой так, что со стороны ничего нельзя было заметить.

— Когда вы уменьшаетесь, это как-то еще влияет на тело?

Шутун в это время латал свои крошечные кожаные сапожки. Услышав вопрос, он поднял голову и на мгновение замер. В его взгляде промелькнула глухая злость.

— Боевые навыки почти полностью утрачиваются, да и сил не остается. Иначе нам не пришлось бы бежать сюда.

Могущественная банда в одночасье лишилась всего. Остаться на прежней территории было чистым самоубийством: их бы мигом растерзали старые враги.

— Да уж, паршивое дело, — Мао Сяофэй ворошил угли в костре. Спать не хотелось, но все тело изнывало от ломоты. После вчерашнего заплыва суставы промерзли до самых костей, отзываясь тупой, ноющей болью.

— Будь я на твоем месте, непременно обучился бы хоть какому-то боевому искусству, — Шутун ловко затянул последний шов на сапожке и примерил его. Обувь пришлась в самый раз. Удовлетворенно кивнув, он поднялся и твердыми, размеренными шажками подошел к костру, усевшись рядом.

Теплые отсветы пламени заплесали на его лице. Шутун отличался утонченной, почти кукольной красотой. Мао Сяофэй никак не мог представить его взрослым, ведь в этом крошечном теле он выглядел совершенством, будто сошедшим с картины искусного мастера.

— Да в моем-то возрасте...

— Было бы желание, начать никогда не поздно. Великим воином ты, конечно, не станешь, но

хотя бы перестанешь путаться под ногами и обузой не будешь.

Эти слова укололи Мао Сяофэя в самое сердце. Почувствовав прилив досады, он нервно затер ладони друг о друга.

— Я ведь самый обычный человек. Вот вернусь в Верхнюю Ци и заживу тихой, мирной жизнью. Ты просто не знаешь, кем я был раньше. Знал бы — не стал бы зря языком чесать.

Шутун посерьезнел и строго отмахнулся:

— Если Верхняя Ци и Цинси сойдутся в войне, а ты не умеешь даже кулаками махать, то не только близких защитить не сможешь, но и сам сгинеешь в первой же стычке. От боевых искусств одна лишь польза. К чему плодить отговорки? — Малыш ткнул пальцем себе в рот. — Обучись ты защите раньше, не ходил бы сейчас с выбитым зубом.

Мао Сяофэй почувствовал, как к пустой десне прилила горячая кровь. Осторожно коснувшись языком прорехи, он вымученно улыбнулся и пробормотал:

— Может, и так. Да только с чего ты взял, что Верхняя Ци и Цинси непременно схлестнутся? Что у вас, людей цзянху, только война на уме? Радуетесь небось, что заварушка намечается? А у простых людей — своя жизнь, простая и мирная. И чем она плоха?

Шутун хотел было возразить, но осекся: Мао Сяофэй уже ушел вглубь пещеры и, повернувшись к нему спиной, свернулся калачиком на подстилке. Малыш вздохнул и промолчал.

Вскоре костер угас. В темноте слышался тихий шорох — это укладывался спать Шутун. Мао Сяофэй открыл глаза, невидящим взглядом уставившись на каменный свод, где едва угадывались блеклые прожилки породы. Он поплотнее запахнулся и сжался — без тепла угасшего костра холод подступил мгновенно, пробирая до костей.

Зима уже вступала в свои права. В эту пору на родине он каждый день ходил с управляющим на рынок — отбирать припасы к праздникам для трактира или богатых усадеб. Орехи, сухофрукты, вяленое мясо — все, что могло долго храниться, закупали первыми телегами, так что под склады приходилось отводить целые дворы. Мао Сяофэй всегда умудрялся урвать малую долю себе: обычное дело для кухонного люда, на которое управляющий охотно закрывал глаза. Одно время он даже подозревал, что приемный отец отдал его в учение к повару только ради этой нехитрой поживы.

Когда он батрачил в трактире, остатки хороших блюд всегда уносил домой. Приемный отец каждую ночь поднимался, чтобы отпереть ему дверь — приемная мать к тому времени давно спала. Если везло, они выпивали по чарке вместе, но чаще всего старик сидел один в горнице и молча тянул вино до полуночи.

Одеяла дома никогда не просыхали, вечно разили плесенью и болотной сыростью. А вокруг стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь редким лаем собак да первыми криками петухов.

Все эти воспоминания нахлынули на него разом.

Теперь же под ним была сырая земля пещеры, а от камней пахло болотной гнилью. Он ушел слишком далеко от Шаннаня, и надежда на возвращение таяла с каждым днем.

Да и не сказать, чтобы он так уж рвался обратно. Но само слово «родина», стоило лишь мысленно произнести его, отзывалось в душе непреодолимой, глухой тягой.

Мысли путались. Мао Сяофэй вздохнул, перевернулся на другой бок и присмотрелся к Шутуну.

Днем этот малец ходил с таким важным, насупленным видом, а сейчас спал без задних ног, приоткрыв рот, из уголка которого потянулась блестящая ниточка слюны.

«...»

Мао Сяофэй, собиравшийся поговорить с ним, лишь вздохнул и оставил эту затею.

Интересно, вытащил ли Сюй Ци малыша Фу Дуна? И если Сюй Ци не найдет его здесь, продолжит ли искать? Или заберет мальчишку и уедет? И куда вообще он собирался его вести?

Пожалуй, довериться Сюй Ци было бы не худшим решением. С ним он хотя бы был под защитой. Размышляя об этом, Мао Сяофэй сладко зевнул и незаметно провалился в сон.

Сквозь забытие донесся чей-то зычный крик и свист. Лицо обдало влажным, горячим дыханием. Мао Сяофэй лениво отмахнулся, собираясь буркнуть, чтобы от него отстали, но пальцы коснулись чего-то мокрого и горячего. Это прикосновение мигом вырвало его из забытия.

Едва он успел отдернуть руку, как воздух прорезал сухой щелчок сомкнувшихся зубов. Прямо перед ним стоял огромный угольно-черный пес с лоснящейся шерстью. Он смотрел свирепо, глазами величиной с медные колокольчики.

Мао Сяофэй едва успел вырвать руку из этой пасти. Осознав, что едва не остался калекой, он мгновенно покрылся холодным потом и, задыхаясь, в панике отполз назад, прижимаясь к каменной стене.

— Кто такие? Что здесь забыли?

Выход из пещеры преграждали десятка полтора всадников. Один из них выехал вперед. Мужчина в ладном темно-красном дорожном одеянии сверху вниз хмуро разглядывал Мао Сяофэя.

Тот испуганно огляделся вокруг — Шутуна нигде не было видно.

— Я... я прослышал, что в здешних лесах много дичи водится. Вот и пришел... поохотиться.

— Охотник, — приглушив голос, почтительно доложил всадник своему спутнику.

«Да вы бы еще шепотом переговаривались!» — мысленно огрызнулся Мао Сяофэй, наконец-то разглядев среди коней Шутуна.

Чуть позади ехал человек в роскошных серебристо-белых одеждах. Именно на его луке седла лежал Шутун. Малыш мертвой хваткой вцепился зубами в его предплечье — на светлом шелке рукава уже расплывалось темное багровое пятно. Однако незнакомец даже бровью не повел. Он лишь лениво забавлялся с ним, словно с диким котенком, играючи удерживая обе его крошечные ручонки одной ладонью.

Тут Мао Сяофэй окончательно понял, насколько прав был Шутун: в этом крошечном обличье их хваленые боевые навыки действительно сошли на нет.

— Значит, ты охотник. А это чудо кто? Твой сын?

Всадник наконец соизволил снизойти до прямого взгляда. Вьющиеся пряди у висков обрамляли его бледное, словно резной нефрит, лицо. Он тонко и опасно усмехнулся. Он еще ничего не сделал, но стоило ему прищуриться, как по спине пробежал ледяной озноб. Этот человек так и лучился злой, изощренной хитростью.

Шутун резко откинул голову назад и закричал, пытаясь извернуться. Это наконец заставило всадника недовольно поморщиться.

— Да, это мой сын! — отчаянно выкрикнул Мао Сяофэй. — Маленький еще, неразумный! Пожалуйста, господин, не губите ребенка!

Всадник пропустил мольбу мимо ушей. Грубо ухватив Шутуна за волосы, он вздернул его вверх, заставив повиснуть в воздухе. От невыносимой боли лицо Шутуна исказилось, на искусанных губах выступили алые капли. Стоило ему высвободить руки, как он тут же попытался вцепиться в лицо мучителя, но руки взрослого были куда длиннее. Понимая, что не дотягивается, Шутун принялся отчаянно брыкаться, стараясь обхватить ногами чужое предплечье и вскарабкаться выше.

Мао Сяофэй побледнел как полотно и рванулся вперед:

— Господин, умоляю, пустите его! Он же совсем мал! У меня... у меня есть деньги! Сколько нужно? Я все отдам, только отпустите его!

Мужчина одарил его ленивым, равнодушным взглядом. В ту же секунду Шутун истошно закричал.

Мао Сяофэй еще никогда не слышал такого жуткого вопля — этот звук казался совсем нечеловеческим. Мужчина мимоходом, словно сухую веточку, сломал Шутуну ногу и небрежно отшвырнул назад. Ловко подхватив хнычущего бедолагу, один из подчиненных спрятал его за пазуху. Шутун свернулся калачиком, содрогаясь всем телом, а кони плотно сомкнули строй, отрезая Мао Сяофэю путь.

— Любопытный у тебя сынишка. На лицо — лет восемнадцать, а тельцем — сущий младенец. Никогда еще не встречал такой занятой... игрушки.

Мужчина издевательски выделил последнее слово и небрежно взмахнул рукой, подавая знак людям.

Почуввав неладное, Мао Сяофэй упал на колени и принялся отчаянно биться лбом о сырую землю:

— Господин! Он правда мой сын! Молю вас, не надо! Забирайте все, что найдете, но его оставьте! Сын — единственная моя опора, у меня ведь никого больше нет! Верните мне его! Иначе... иначе...

А что «иначе»? Что он мог сделать против толпы вооруженных до зубов всадников? Мао Сяофэй никогда еще не сталкивался с такой глухой, непреклонной жестокостью.

— Здешние реки и земли скоро отойдут банде Лазурного Дракона. Так что не трать силы попусту. Хочешь жаловаться управе — валяй, дело твое. А это тебе на дорожные расходы, — презрительно бросил тот всадник, что заговаривал с ним первым.

Две тяжелые серебряные монеты со свистом полетели в Мао Сяофэя, больно ударив его по голове и плечу.

Внутри Мао Сяофэя будто лопнула какая-то пружина. Он смотрел с безумной яростью. Не помня себя, он вскочил на ноги и бросился на ближайшего коня.

Жеребец испуганно заржал, взвываясь на дыбы. Огромные черные псы, разъяренные резким движением, с глухим рыком ринулись на него.

Но Мао Сяофэй увернулся. Он двигался невероятно быстро, целясь прямо под копыта той лошади, на которой везли искалеченного Шутуна.

Искалеченный Шутун покачнулся от резкого толчка. Заметив, как Мао Сяофэй отчаянно бросается под конские копыта, он беззвучно зашевелил губами и вдруг истошно, во весь голос закричал:

— Папа!

Его похититель в серебристых шелках на миг замер. Он бросил долгий, нечитаемый взгляд на Шутуна, чье личико все еще подергивалось от невыносимой боли. Мужчина прижал ладонь к окровавленному предплечью, куда его укусил малец, и лениво скомандовал глубоким, бархатным голосом:

— Только не убивайте. Проучите как следует, но без фанатизма. Все-таки это родной отец моего будущего приемыша.

Он резко развернул коня и вихрем понесся прочь. На скаку перехватив Шутуна свободной рукой, он прижал его к себе и в сопровождении пяти всадников скрылся в лесной чаще.

Мао Сяофэй отпустил ногу чужого скакуна и, не глядя на вздымающиеся прямо над его головой тяжелые копыта, бросился следом.

Ледяной ветер со свистом забивал легкие, мешая дышать. Он хрипло, надсадно звал Шутуна, но его голос тонул в яростном лае псов за спиной. Мао Сяофэй бежал изо всех сил, не смея остановиться ни на миг, готовый бежать до самого конца.

<http://bllate.org/book/18429/1866343>